

Когда они сели в машину, Бутс со вздохом повернулся к доктору Бреннан:

— Кости, ты не могла бы в следующий раз выбирать выражения помягче? Мне совсем не улыбается после каждого совместного выезда оправдываться перед начальством из-за жалоб.

Доктор Бреннан легонько ткнула его кулаком в плечо:

— Не называй меня Кости. К тому же я говорю чистую правду — только то, что сама заметила. Я делюсь наблюдениями исключительно ради того, чтобы помочь тебе найти зацепки и поскорее раскрыть дело.

— Да знаю я, знаю, — Бутс устало потёр виски, — но, Кости, нельзя ли излагать свои выводы на нормальном, понятном для простых людей языке?

Бреннан одарила его красноречивым взглядом, но продолжать спор не стала.

Бутс не спешил заводить мотор. Повернувшись к ней, он спросил уже серьёзнее:

— Кости, а что насчёт тех образцов, которые мы вам отправили? Удалось что-нибудь выяснить?

Задумавшись на секунду и перебирая в уме результаты лабораторных тестов, доктор Бреннан ответила:

— В присланных образцах мы обнаружили бета-адреноблокаторы, антагонисты бета-рецепторов и блокаторы кальциевых каналов. Есть и другие компоненты, которые мы ещё не успели досконально изучить, но их химическая формула крайне нестабильна. Чтобы стабилизировать её, необходимы определённые связующие вещества...

— Говори на человеческом! — вынужден был перебить её Бутс, видя, как доктор всё сильнее уходит в научные дебри.

Бреннан на мгновение запнулась, мысленно перестраивая фразу на более простой лад:

— Я имею в виду, что состав препарата чрезвычайно сложный, чётких пропорций нет, как нет и связующей основы. Формула так нестабильна, что её, судя по всему, до сих пор тестируют. Похоже, они пропустили доклинические испытания на животных и сразу перешли к экспериментам на людях. Думаю, эту партию слили умышленно. Более того, за жертвами наверняка кто-то следил — так сказать, фиксировал их реакцию. И этот человек должен был заранее изучить историю болезни каждого подопытного, иначе не получилось бы сопоставить данные и просчитать вероятность побочных эффектов. Но должна тебя предупредить: до получения стабильной сыворотки им ещё очень далеко. Если они продолжат в том же духе, число жертв будет только расти.

Бутс нахмурился. Дело принимало скверный оборот.

— Но если они ведут отбор и ищут подходящих кандидатов, то откуда у них медицинские карты

этих людей?

Они переглянулись и после короткой паузы в один голос выпалили:

— Из больницы!

Бутс резко завёл мотор. Нужно было срочно возвращаться в отдел, запрашивать данные по всем пострадавшим и проводить перекрёстный анализ. Если удастся найти общие зацепки в их историях болезни, у следствия наконец появится реальный прорыв.

Котон прибрался дома, заглянул в лавку за корзиной спелых фруктов и отправился в больницу. У палаты он застал капитана Бобби Нэша. Тот, видимо, уладил дела в части и сразу приехал проводить подчинённого. Чими всё ещё лежал в реанимации, и проносить туда продукты строго запрещалось. Понимая, что в палату его не пустят, Котон оставил корзину на посту, тепло попросив дежурных медсестёр присмотреть за раненым.

Подойдя к Бобби, он негромко спросил:

— Как он, кэп?

— Всё так же, — вздохнул Бобби. — В медикаментозной коме, на ИВЛ. Врачи говорят, завтра или послезавтра попробуют отключить аппарат, проверят, сможет ли дышать сам. Но есть и хорошие новости: дренаж из раны стал заметно чище, выделений меньше. Сегодня сделали томографию прямо в палате — отёка мозга нет. Для реабилитации это огромный плюс.

Котон облегчённо выдохнул. Раз пошли улучшения, значит, худшее позади. Ранения Чими были настолько страшными, что, говоря начистоту, само выживание казалось чудом. Поначалу Котон всерьёз опасался, что даже если парень выкарабкается, он навсегда останется в вегетативном состоянии. И хотя стопроцентной уверенности не было и сейчас, наметившийся прогресс вселял робкую надежду.

Однако по лицу Бобби не было видно, что эти новости принесли ему облегчение. Он по-прежнему выглядел подавленным и хмурым, словно его тяготило что-то ещё.

— Кэп, тебя что-то тревожит? — спросил Котон.

Бобби удивлённо поднял глаза:

— Заметил всё-таки?

Котон понимающе кивнул:

— Будь дело только в Чими, ты бы сейчас радовался его стабильному состоянию. Значит,

случилось что-то ещё, о чём ты молчишь. И это как-то связано с ним, верно?

— Да, от тебя ничего не скроешь, — Бобби посмотрел сквозь стекло палаты на Чими и, хоть понимал, что тот без сознания и ничего не слышит, невольно понизил голос. — Помнишь, я рассказывал, что мы с ним как-то крупно повздорили?

Котон кивнул, и Бобби продолжил:

— Мы тогда разругались из-за его пассивности. Вчера я разыскал её. Объяснил ситуацию, попросил приехать, побыть рядом с Чими, помочь ему пройти через это испытание... Но она наотрез отказалась. Заявила, что не потянет такую ношу. Мол, неизвестно, сколько продлится эта кома, и она боится, что мы повесим уход за ним на её плечи. Я долго уговаривал её, буквально умолял, но она осталась непреклонна. Ума не приложу, как так можно? Чими пылинки с неё сдувал, ради неё изменился до неузнаваемости, а она просто испугалась, что её привяжут к больному на всю жизнь. Мне ничего не оставалось, кроме как уйти. Я надеялся, что она передумает, ждал её здесь весь день, но она так и не пришла.

Котон придвинул стул и присел рядом:

— И ты думаешь, что она поступила с ним несправедливо? — Бобби хмуро кивнул, и Котон мягко продолжил: — Но посуди сам, кэп: все твои доводы и просьбы исходят исключительно из интересов Чими. Нам кажется, что раз он отдавал всего себя этим отношениям, то заслужил взаимность и поддержку. Но для неё твои слова прозвучали как откровенный моральный шантаж, разве нет?

Бобби снова кивнул.

— Ты, конечно, не требовал от неё жертвенной любви до гроба, — продолжал Котон. — Ты просто хотел, чтобы в самый тяжёлый момент его жизни близкий человек был рядом. Но посмотри на это её глазами: её вынуждают сидеть у постели мужчины, к которому она не испытывает сильных чувств, просто из жалости. Сама мысль об этом кажется ей покушением на её свободу.

— Я понимаю, что ты желал ему только добра, кэп. Но искренне заботиться о ком-то можно лишь тогда, когда к человеку лежит душа. Если чувств нет, насильно их не выдавишь. Может, стоит взглянуть на ситуацию под другим углом?

— Под другим углом? Это каким же? — спросил Бобби.

Котон едва заметно улыбнулся:

— Любовь — далеко не единственный вид привязанности. Думаю, Чими и сам в глубине души понимал, что эти отношения обречены, просто не хотел признавать поражение. Иначе не стал бы гонять посреди ночи на машине, пытаясь заглушить тоску. Но помимо романтики есть дружба и семья. Его родные далеко, за границей, но у него есть вы. Ваша сплочённость в пожарной части — это уже давно не просто дружба, это настоящая семья. Ему не нужно искать

суррогат любви там, где его нет. Будьте рядом, поддержите его сами.

Бобби резко повернулся к нему и уставился долгим, внимательным взглядом. На мгновение Котону показалось, что он сболтнул лишнего, но капитан лишь тихо произнёс:

— И ты тоже. Я считаю тебя его другом.

Котон на секунду растерялся, а затем искренне улыбнулся. Ну конечно. Они ведь действительно друзья.

Они поговорили ещё немного, после чего Котон стал собираться домой. Завтра ему предстояло вернуться на смену в диспетчерский центр, так что они договорились встретиться у Чими уже после его дежурства.

На следующий день Котон снова сидел на своём привычном рабочем месте в диспетчерском центре, принимая звонки. Первая половина дня выдалась на редкость спокойной. Пользуясь затишьем, он откровенно бездельничал: листал в телефоне ленту новостей и пару раз незаметно ушмыгивал в комнату отдыха, чтобы утащить кусочек-другой бисквита. Словом, это были самые безмятежные часы за всё последнее время.

Но, как известно, затишье всегда бывает перед бурей. Стоило Котону плотно и вкусно пообедать и вернуться за пульт, как лавиной посыпались звонки. Линия разрывалась без умолку. Принимая один вызов за другим, Котон с глухой завистью вспоминал утреннюю лафу и от всей души мечтал повернуть время вспять, чтобы навсегда остаться в той сонной безмятежности.

Впрочем, нытьём делу не поможешь. Сделав глубокий вдох, он настроился на рабочий лад.

— 911, слушаю. Что у вас произошло?

— Здравствуйте! Тут, кажется, человека зажало в машине... Я слышу, как кто-то зовёт на помощь! — раздался в трубке взволнованный женский голос.

— Мэм, успокойтесь. Назовите адрес, где вы находитесь?

— Это парковка у складов на Колорадо. Пожалуйста, поспешите!

— Принято, мэм. Спасатели уже выезжают. Пожалуйста, держите линию свободной и оставайтесь на связи на случай, если нам понадобятся уточнения.

— Хорошо, я жду.

Введя адрес в систему, Котон быстро отыскал ближайшую к месту происшествия пожарную часть. Увидев на экране знакомый номер, он невольно улыбнулся и нажал кнопку связи:

— Диспетчер 911 — Пожарной части 118. Требуется выезд спасательного расчёта и парамедиков. Поступил вызов о заблокированном в машине человеке на парковке складского комплекса по Колорадо. Срочный выезд.

В наушнике тут же раздался ровный, внушающий абсолютное спокойствие голос Бобби:

— Пожарная часть 118 приняла, выезжаем.

Отключив связь, Котон с удовольствием потянулся всем телом и раскинул руки в стороны. И надо же было такому случиться, что именно в этот момент мимо его стола проходила коллега. Локоть Котона задел её руку, и чашка с водой, которую она несла, с весёлым звоном полетела на пол.

Вздрогнув от неожиданности, Котон тут же бросился извиняться:

— О боже, простите ради бога! Я совершенно вас не заметил. Вы не ушиблись?

Девушка дружелюбно махнула рукой:

— Всё в порядке, не переживайте. Просто чашка из рук выскользнула, я сейчас приберу.

— Нет-нет, что вы, это же моя вина, давайте я сам всё подмету, — Котон смущённо почесал затылок. — И чашку я вам обязательно куплю новую. Кстати, меня зовут Котон Эвангелос. — Он приветливо протянул ей руку.

Девушка ответила на рукопожатие и с мягкой улыбкой представилась:

— Приятно познакомиться. Эбби Кларк. Наслышана о тебе.

Котон никак не ожидал, что столь неловким образом столкнётся с той самой коллегой, из-за которой ему не так давно пришлось пахать сверхурочные.

— Взаимно. Я могу звать тебя Эбби?

— Разумеется, — отозвалась она. — Ты как вернулся с больничного, мы толком и не пересекались. О моих семейных делах ты, полагаю, уже знаешь. Предыдущую сиделку для мамы пришлось уволить, и мы только-только нашли новую. Господи, это просто небо и земля по сравнению с прошлой! Если бы не она, я даже не знаю, как бы держалась. Я уже была на грани.

Глядя на осунувшееся, измученное лицо Эбби, Котон почувствовал искреннее сострадание. Говорят, пожилые родители в доме — это счастье, но тащить этот воз в одиночку невероятно тяжело. Чтобы хоть немного взбодрить коллегу, он вызвался приготовить ей крепкий кофе. На их работе требовалась предельная концентрация, ведь любая оплошность диспетчера могла стоить кому-то жизни.

Они устроились в комнате отдыха. В основном говорила Эбби, делаясь наболевшим, а Котон внимательно слушал. Из каждого её слова сквозила глубокая, жертвенная любовь к матери, но эта же любовь загнала девушку в замкнутый круг: ей отчаянно хотелось хотя бы ненадолго выбраться из четырёх стен, сменить обстановку, но оставить больную мать одну она просто не могла. Так и разрывалась изо дня в день.

Выговорившись и немного облегчив душу, Эбби заметно повеселела. Поблагодарив Котона за поддержку, она вместе с ним вернулась в зал, и они вновь погрузились в напряжённый рабочий ритм.

<http://bllate.org/book/19391/1999434>